

Не станем оспаривать или защищать католическое умонастроение Вячеслава Иванова. Критик должен восстановить внутренний мир поэта, единственный, неповторимый. И он вправе отложить все иные попечения.

Лишь у глубоко второстепенных авторов первая книга — лучшая. «Война и мир» зреее «Кзаков», «Буря» — совершеннейшее произведение Шекспира; последние трагедии Корнеля, не поняты своим веком, оклеветанные степенным Буало, открывают нам тайны творчества французского поэта полнее, чем его подражательный «Сид». Путь Вячеслава Иванова — путь совершенствования и восхождения. Первая книга поэта «Кормчие звезды» уступает во многом «Corardens», «Прозрачности» и «Нежной Тайне», ибо в ранних стихах Вячеслава Иванова мысль не всегда претворена в фантазмы, не всегда оправдана лирическим волнением. Но с тех пор как отшельника северной Башни посетил неистовый Дионис — до ясных римских откровений, Амор — поводырь поэтов, вел его, как некогда Петрарку — «delpensieralpensieredelmontealmonthe»*.

К сожалению, произведения Вячеслава Иванова последнего периода нам почти что недоступны. Мне случилось ознакомиться по рукописи, до меня случайно дошедшей, с замечательным его лирическим циклом «Человек», свидетельствующим о единстве рода человеческого, о древнем и новом Адаме-Кадмоне, но я не смею говорить подробнее об этой поэме, столь важной для понимания духовного пути поэта, руководствуясь лишь первоначальным, поверхностным впечатлением. Появления в печати новых стихотворений Вячеслава Иванова мы ожидаем с понятным нетерпением.

1930

Отречение от Диониса

Почти вся жизнь Вячеслава Иванова прошла под знаком Диониса. Лирический поэт и автор трагедий, он проповедовал, что художник одновременно жрец и жертва, посвященный и обреченный. Явление бога-Вакха преследовало поэта, и там, где

* «От мысли к мысли и от вершины к вершине» (*итал.*).

многие видели лишь замысловатые построения ученого-эллиниста, соучастники его мистических пиршеств ощущали ужасное присутствие сопредседательного брата Аполлона. Вспомним свидетельство Блока, писавшего (в статье о символизме) что он видит с такой же ясностью, как явления так называемого реального мира, зарницу, вспыхивающую над бровями страшного божества, посетившего отшельника петербургской «Башни»¹:

|<...>

Но Вячеслав Иванов был не только поэтом. Свои прозрения он хотел проверить и подвергнуть анализу. В ежемесячнике «Новый Путь» за 1904 год и в сменившем его журнале «Вопросы жизни» за 1905 год появляется серия его статей о Дионисе. Закончить, однако, научные свои изыскания о Дионисе и связанных с его культом богах и героях Эллады удалось ему лишь недавно. В 1923 году вышла его докторская диссертация «Дионис и прадионисийство».

Эта монография не связана с первоначальными очерками, отразившими поэтические увлечения и религиозно-философские размышления автора. Цель объемистого труда — объяснить исторический процесс развития древнегреческого культа. Статьи, написанные двадцать пять лет тому назад, знаменательны главным образом для тогдашнего умонастроения вождя русского символизма, его среды и сверстников.

«Дионис и прадионисийство» — работа по истории религий античного мира, исследование, чуждое, по словам автора, увлечениям молодости. Вячеслав Иванов, усомнившись в правильности своих построений, подверг также строгой критике работы своих предшественников, особенно Ницше.

Плодом долголетних занятий религией Древней Греции явилось убеждение, что эстетически-философское толкование Ницше поверхностно, что в культе Диониса сокрыты мистические глубины: вера в вечную жизнь, в возвращение душ-странниц из потустороннего мира. Религия Диониса, по словам автора, «первая в эллинстве определила своим направлением водосклон, неудержимо устремивший с тех пор все религиозное творчество к последнему выводу — христианству».

<...>

Культы эти долго не были связаны непосредственно с Дионисом. Имя его пребывало скрытым. Вспоминается афинский алтарь, посвященный Неведомому Богу, о котором говорится

в Деяниях апостолов². С древнейших времен во многих эллинских храмах стояли пустующие престолы, ожидающие нисхождения таинственного божества. Имя Диониса открывается лишь постепенно.

Торжествующий Дионис встречается со своим братом-соперником Аполлоном. Темные прадионисийские божества бегут от лица лучезарного сына Зевса. Но Дионис ему равен. В одном из наиболее мощных античных культов — в дельфийском — оба брата как бы сливаются в двуединый лик. Миф говорит, что Аполлон овладел дельфийским прорицалищем, убив его стража, змия Пифона, одного из прадионисийских демонов. Змееубийца проникся духом своей жертвы (бог — жрец и жертва): «Светозарный олимпиец, отвращающийся, по слову Эсхила, от плачевных обрядов и всего, имеющего отношение к сфере подземной с ее «скверною» (*miasma*), должен соприкоснуться с миром загробным, им «оскверниться» и потом от него же очиститься».

Дионис и Аполлон с того времени в религиозном сознании посвященных — сопрестольные братья. Их двойственный культ знаменует собою расцвет эллинства.

Еще до дельфийского договора возник в эпоху первых аэдов обрядовый дуализм. С одной стороны, олимпийские, солнечные культы, с другой — подземные, ночные «страсти». Смешение их было строжайше запрещено. Вяч. Иванову удалось, как никому до него, проникнуть в самую сущность «рождения трагедии», именно благодаря им осознанному роковому сопряжению культов Диониса и Аполлона. Автор полагает, что само понятие «катарсис» (которому дано столько определений от Аристотеля до наших дней) возникло из обряда очищения, которым снимается перед солнечными небожителями «скверна» (*miasma*) общения с подземным царством.

Таким образом *катарсис* является непременно следствием пафоса, охватывающего участников прадионисийских оргий. Только с обретением имени Диониса наступает «эллинский новый завет». Религия Диониса делает страстные подземные культы самостоятельными: «бог небесный и подземный вместе являются одновременно и вдохновителем, и его разрешителем».

Тогда из подчинения Аполлона были исключены оргиастические формы искусства. Из обособленных вакхических обрядов славословий — дифирамба — возникает трагедия. Певец Арион возводит дифирамб на степень художника, развив религиозное

действие, связанное с верой в весеннее возвращение не только сил природы, но и человеческих душ, предводительствуемых Дионисом. Бога весеннего обновления окружали ритуальные демоны-козлы (tragoi), давшие свое имя трагедии.

<...>

Но спокойное признание существования «Вакхова начала» в христианстве, кажется, не вполне удовлетворило Вячеслава Иванова. Пусть эллинский мир «создает почву» для Грядущего Сеятеля, пусть апостол, пришедший из Галилеи в Афины, открывает сокровенный смысл надписи на одном из алтарей Акрополя — «Неведомому Богу», возможно ли установить Дионисову преемственность не только в символике, но и в самой сущности христианства? Не кажутся ли нам гениальным кощунством два образа Леонардо: Вакх и Иоанн креститель, похожие друг на друга, как два брата-близнеца?

Вскоре после окончания своего научного труда о Дионисе Вячеслав Иванов написал «отречение» от богов Древней Эллады, поразившее любителей его поэзии. Неизданное это стихотворение дошло до меня в списке. Я беру на себя смелость привести эту пьесу, надеясь, что автор, скрывающийся ныне в итальянской глуши, не посетует на меня³:

И твой гиметский мед ужель меня пресытил?
Из роци миртовой кто твой кумир похитил?
Иль в вещем ужасе я сам его разбил?
Ужели я тебя, Эллада, разлюбил?
Но духом обнищав, твоей не знал я ласки;
И жутки стали мне души недвижимой маски,
И тел надменных свет, и дум Эвклидов строй.
Когда ж, в урочный час, разымчивой игрой
Подземных флейт ожив, личины полой очи
Мятежною тоской неукротимой ночи,
Как встарь, исполнились, — я слышал с неба зов:
«Покинь, служитель, храм украшенный бесов».
И я бежал, и ем в предгорьях Фиваиды⁴
Молчанья дикий мед и жесткие акриды.

Что же произошло? Или поэт сам испугался вызванного им Диониса, чье веселье «опасно, как огонь в доме», и, придя к заключению, что дионисийство заменено христианством, в ответ на античный ужас, на разымчивую игру подземных флейт в душе

его прозвучало — «AveRoma!». Слава Риму, спасающему своей строгой стройностью от вакхического мятежа, от оргийной мистики Востока. Или двусмысленная улыбка Вакха-Иоанна, открывшаяся Леонардо, показалась поэту кощунственно невыносимой?

Ныне, думается, он отверг зовы дельфийских ущелий, его пресытил и гиметский мед. От пафоса дионисийства он очищается в предгорьях новой Фиваиды. Западное христианство для поэта — катарсис, очищение от всякой скверны, возвращение из глубин вакхической ночи к сиянию полудня, к достолюбезной ясности, к вожделенной полноте. Настроения эти выражены в замечательных его римских сонетах; к сожалению, также еще не изданных. Отказавшись от Диониса, Вячеслав Иванов не отверг Аполлона (стихи: «И тел надменных свет, и дум Эвклидов строй» не знаменуют полного отстранения светозарного аполлонийского начала). Поэт не наложил на себя монашеского обета молчания, не в силах вырваться из рокового круга со- престольных братьев. Не сам ли Вячеслав Иванов поведал нам миф об Аполлоне Дельфийском, поразившем прадионисийского Пифона? Убийца исполнился пророческим духом своей жертвы.

1930

Достоевский и Вячеслав Иванов

<Фрагменты>

<...>

Более десяти лет Вячеслав Иванов живет в Италии. Последние годы он преподавал русскую литературу в Павийском университете и старые и новые языки в колледже Св. Карло Борромео. Сейчас живет в Риме. Ученик Владимира Соловьева, Иванов перешел в католичество. В римском соборе Св. Петра перед алтарем св. Вячеслава он прочел Символ Веры (одинаковый в обеих церквях, православной и католической) и формулу присоединения¹. В литературной жизни русской эмиграции участия не принимает².

<...>

В конце 1934 года к семидесятилетию Вячеслава Иванова в Милане вышел специальный номер журнала «Il Convegno»